

НАША СТРАНА

Год издания 73-й. Буэнос Айрес, 25 мая 2021

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 25 de mayo de 2021

No 3150

Е. Холмогоров

СОХА И БОМБА

Цари Александр III и Николай II оставили нам в наследство мощную индустриальную державу, а Сталин перевёл её на рабовладельческие рельсы.

20 октября (1 ноября) 1894 года скончался Император Всероссийский Александр III, Царь Миротворец. В тот же день на престол вступил его сын Николай, царствовавший 22 с небольшим года, свергнутый заговорщиками и революционерами и расстрелянный с семьёй в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Царствования отца и сына в мемуарах некоторых деятелей той эпохи (прежде всего С. Ю. Витте), перетёкших в современную публицистику, иногда пытаются противопоставлять. Мол, царь Александр III был мощным, почти brutальным волевым государем, который решительно вёл страну вперёд, а царь Николай II оказался якобы слабым, неудачливым, доведшим дело до революции.

На деле между ними было больше общего, чем различий. Вопреки мифу о «brutальности» император Александр был очень сдержанным и вежливым человеком, который, к примеру, никогда не «тыкал» даже лицам низших званий, что «по-отечески» практиковали его отец и дед. Вежливость и деликатность царя Николая II хорошо известны, и чаще всего именно их клеветники и выдавали за мнимую «слабость».

Против обоих государей велась ожесточённая информационная война со стороны прогрессивно-освободительной интеллигенции.

То, что вся эпоха царствования царя Николая II — это время мученического стояния против сплошной клеветы, — сегодня очевидный всем факт, против его отца артиллерию лжи ещё не успели развернуть во всю мощь, но тем не менее огромная доля клеветы досталась и ему: вспомним абсолютно лживую сплетню (растиражированную пачкуном Пикулем) об «алкоголизме» императора, который якобы прятал от жены флажку с коньяком за голенищем сапога. Эта картинка подходила к создававшемуся клеветниками имиджу царя-мужлана. На деле император Александр III не выносил крепкого алкоголя, его никто никогда не видел не то что пьяным, но даже во хмелю, за столом ему вместо вина зачастую подавали лимонад, а из алкогольных напитков он предпочитал виноградные вина, и именно по его инициативе удельное ведомство поручило князю Голицыну создать легендарные винные центры в Крыму и на Кавказе — Массандру и Абрау.

Оба государя были славянофилами на престоле, убеждёнными русоцентристами, сторонниками самобытности русской цивилизации, что подчёркивали даже своим внешним видом: после без малого двухсот лет запретов Романовы снова облеклись

в бороду, а затем и в старый русский костюм и косоворотку.

Царь Александр III неоднократно повторял, что «Россия для русских и по-русски», и проводил энергичную русификаторскую политику. Для царя Николая II неприемлемость «петровского» метода обращения с Русью, обращения её к чуждым началам была аксиомой: «Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попиране всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично», — так, по воспоминаниям капитана Л-Гвардии Егерского полка В. А. Каменского (позднее — курьера генерала Врангеля), Государь охарактеризовал политику знаменитого европеизатора.

Именно при царях Александре III и Николае II Российская Империя стремительно превращалась в русскую национальную империю, которая покоилась на принципе самобытной православной цивилизации и развивала свою богатую национальную культуру. Для обоих государей была характерна искренняя религиозность и приверженность аутентичным традициям Православной Церкви.

Царь Александр III, к примеру, постоянно подчёркивал, что иконы должны писаться в «рублёвском, строгановском, а то и вообще в старорусском стиле». При этих царях оригинальным архитектурным стилем храмостроительства начали становиться неовизантийский и неорусский стили, поднявшие русское зодчество на новую высоту. Царь Николай II с характерной для него глубинной мистической религиозностью осознал важность для страны агиополитики, а потому провёл целую серию канонизаций святых, включая самую знаменитую — канонизацию преподобного Серафима Саровского.

И тем неожиданнее для тех, кто привык противопоставлять традицию и модернизацию, приверженность вере и индустриализм, тот факт, что именно цари Александр III и Николай II начали решительный поворот России к индустриализму. Поворот, требовавший немало мужества, свободы от предрассудков и от давления общественного мнения, чрезвычайно рискованный и в то же время безальтернативный, если Россия хотела сохраниться в XX веке в числе великих держав.

Нам сегодняшним необходимо индустриализации и промышленного развития кажется чем-то само собой разумеющимся. Одним из главных аргументов неосталинистов в оправдание красного террора, расправы над крестьянством и лагерей яв-

ляется ссылка на необходимость промышленного рывка, который был оправдан любыми жертвами.

Мол, «как говорил Черчилль, Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», а это всё перед судом истории спишет. Об этой фейковой фразе и о том, совершил ли Сталин великий индустриальный рывок, мы поговорим чуть позднее, а пока укажем: для современников царей Александра III и Николая II необходимость индустриализации была отнюдь не столь очевидна.

На момент воцарения Александра III в русском обществе существовал своего рода праволевый, чиновничье-помещичье-революционный консенсус: путь индустриального развития не для России, капитализм нашей стране не подходит, так как ведёт к обнищанию-пауперизации населения, промышленность ведёт к появлению пролетариата, страдающего и нищающего класса. Чтобы не допустить бедности и народных страданий, Россия должна оставаться аграрной и крестьянской страной, в которой механизмы русской сельской общины якобы предохраняют мужика от полного обнищания и являются залогом перехода к социализму, минуя капитализм (тут с русскими народниками соглашался даже сам Карл Маркс).

Неприкосновенность аграрного строя и неприкосновенность общины для недопущения пролетаризации были той платформой, на которой смыкались царевубийцы-народники, консервативные помещики и озбоченные на свой лад общественным благом чиновники.

Считавшийся главным идеологом царствования Александра III К. П. Победоносцев также думал, что ни общину, ни аграрный строй трогать не нужно, так как якобы только они являются залогом интуитивного крестьянского благочестия и верности монархии (иллюзия, за которую Россия дорого заплатила в 1905 году).

Предполагалось, что Россия прекрасно может жить потреблением и экспортом продукции своего сельского хозяйства, избегать ловушек «рабочего вопроса», а необходимую промышленную продукцию импортировать на вырученные за зерно деньги, преимущественно из Германии.

Фактически предполагалось, что Россия будет функционировать как аграрный придаток германской индустрии, и обе страны будут находиться в гармонии и согласии.

Оппонентов этого пути, настаивавших на необходимости развития самостоятельной промышленности, на разрыве с индустриальной зависимостью от немцев, на протекционистских тарифах, национализации железных дорог, инвестициях в индустрию, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Это был главный

публицист Империи, хозяин «Московских Ведомостей» М. Н. Катков, это были два постоянных корреспондента «Московских Ведомостей»: математик и инженер-машиностроитель И. А. Вышнеградский и молодой карьерист-железнодорожник С. Ю. Витте, большой поклонник главной политико-экономической доктрины индустриализации, теории национальной политической экономии, созданной Фридрихом Листом. И, наконец, великий учёный-химик и экономист, создатель российской нефтяной промышленности Д. И. Менделеев.

Позиция этих людей — защитников идеи опережающего индустриального развития страны, основания национальной промышленности, порвавшей с зависимостью от Германии и защищённой от неё тарифами, полагавших, что в развитии рабочего и предпринимательского слоёв нет ничего дурного, настаивавших, чтобы вместо тормозящей экономическое развитие общины крестьяне получили настоящую частную собственность, — была позицией абсолютного меньшинства в тогдашней российской элите.

Дело доходило до того, что про Менделеева за его статьи и выступления в пользу развития промышленности говорили как про наймита нечистых на руку дельцов, включая знаменитых Нобелей (так это было или нет, видно из того факта, что хотя Менделеев сыграл решающую роль в развитии бакинских нефтепромыслов, Нобелевской премии ему никогда так и не дали). А Менделеев говорил и в самом деле неудобные вещи, например, что никакие вложения в сверхурочность и интенсивное земледелие в столь неудобном климате, как русский, не позволят стране достичь процветания и обеспечить достаток сельским хозяевам: это могут сделать только промышленность и развитие городов, которые, кстати, и выступают главным потребителем продукции села. Необходимо создание промышленных отраслей с возрастающей отдачей и протекционистская защита их роста.

Против протекционизма с одинаковой силой выступали как народнические, так и либеральные публицисты, не говоря об аграрных консерваторах. Если бы вопрос о будущем развитии России решался «демократически» или «аристократически», то со стопроцентной гарантией стране была бы избрана роль тихой аграрной державы, постепенно всё более отстающей от США, Германии, даже Франции, занимающей место на мировой периферии и постепенно обкусываемой более агрессивными и развитыми соседями вроде Японии.

Однако в России было самодержавное и монархическое правление.

Царь Александр III пришёл к убеждению о необходимости

промышленного рывка и оказался способен принять на себя весь груз вытекавших из этого последствий.

В 1887 году Вышнеградский был назначен министром финансов (к сожалению, в том же году умер Катков, и пропагандная сила индустриального лагеря ослабла), а в 1889-м Витте — главой департамента железных дорог.

Начата была работа группы по составлению нового таможенного тарифа, ведущим экспертом которой стал Д. И. Менделеев.

Новый тариф, который был принят в 1891 году, был фактически декларацией независимости от германской и вызвал бурю негодования в Берлине — началась продлившаяся несколько лет тарифная война: Германия повышала пошлины на русский хлеб, Россия повышала пошлины на немецкие промышленные товары.

Подробное философски-публицистическое обоснование нового тарифа дал Д. И. Менделеев в огромной книге «Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России», вышедшей в 1892 году. В ней великий учёный описал, по сути, каждую отрасль русской промышленности: в каком состоянии она ныне, в каком направлении и какими средствами её лучше развивать, чем она важна для целого. Тем самым был начертан план русской индустриализации на десятилетия вперёд.

Царь прекрасно осознавал внешнеполитические последствия этой торговой войны, без которой промышленность было не поднять, и решительно развернул внешнеполитический курс в пользу нового союзника — Франции.

В 1891 году французская эскадра посетила Кронштадт. Основой русско-французского союза была не только геополитика, но и экономика. Германия не была заинтересована в росте русской промышленности, так как это составляло опасную конкуренцию её собственной и теснило её с русского рынка. Напротив, Франция была тогда главным в мире продавцом капиталов, деньги французских банков не находили применения в органической демографически и ресурсно стране. И находкой Вышнеградского было привлечь эти капиталы для индустриализации России. Французские деньги работали, стимулируя русский промышленный рост, а этот рост повышал шансы обеих стран против Германии, с которой нельзя было выстоять 1:1. Такая схема внешней политики была принята царём Александром III, развита царём Николаем II и действовала до ленинского «Брестского мира» (ранний большевизм был добровольной самоколонизацией в пользу Германии). И схема эта была принята именно ради промышленного развития России.

В том же 1891 году жизнь подтвердила необходимость индустриализации. Охватив целый ряд губерний, недород привёл к массовому обнищанию, недоеданию и (главный фактор смертности) к эпидемиям тифа. События 1891 года не были «Голодом» в том смысле, в каком им были организованные большевиками Голод 1921 года в Поволжье и Голодомор 1932-го на юге СССР, люди умирали не буквально от отсутствия еды, а от инфекций, поражавших организм с ослабленным недостаточным питанием иммунитетом. Однако на общество и самого Государя эти

события произвели шокирующее впечатление: на помощь голодающим были брошены колоссальные ресурсы, ресурсы эти тратились не всегда эффективно (рост кабацкой выручки показал, что зачастую крестьяне предпочитали выделенные им деньги пропивать).

Правительство столкнулось с тем, что во многие регионы очень трудно своевременно доставить продовольственную помощь из-за отсутствия железных, а зачастую и любых других проезжих дорог.

При этом прогрессивная общественность воспользовалась случаем и начала атаку на «проклятый царизм», обвиняя в голоде именно его. Причём характерно, что центром атаки была выбрана именно индустриальная политика правительства (что как бы приоткрывает завесу над подлинными спонсорами этой атаки).

Возник миф о «голодном экспорте». Якобы народ голодает потому, что правительство слишком много вывозит хлеба, так как нуждается в деньгах на индустриализацию. Вышнеградскому была даже приписана фраза «сами недоедим, но вывезем», которая если и могла быть сказана, то только в ироническом смысле. На деле уже летом 1891-го был полностью запрещён вывоз ржи из страны, в ноябре был запрещён даже вывоз пшеницы, что, кстати сказать, изрядно повредило в тарифной войне с Германией, место русского хлеба там занял американский.

«Голодный экспорт» является классическим случаем клеветнического фантома публицистики и историографии. Между внутренним потреблением хлеба и его вывозом не существовало никакой связи. Правительство не изымало хлеб у крестьян для продажи никаким принудительным способом. Крестьяне продавали его на свободном рынке. Утверждать, что правительство принуждало крестьян к такой продаже высокими платежами, тоже нет оснований, для власти характерно было скорее всепрощение, которое не всегда шло крестьянам на пользу.

Например, в годы неурожая, ожидая правительственной помощи, крестьяне продавали всё своё зерно подчистую по высокой цене, исходя из того, что семенную ссуду правительству будет вернуть дешевле, а может быть, её и простят вовсе.

Ну а главное, основным потребляемым русским крестьянином зерном были рожь и овёс, основными экспортными культурами были пшеница и ячмень. Экспорт ржи из России никогда не превышал 8,2% годового урожая. На экспорт шла востребованная на мировом рынке пшеница — пиком её экспорта был 1897 год, когда было вывезено 45,9% урожая. Что характерно, год был очень неурожайный, однако ни о каком «голоде 1897-98 гг.» никто не слышал.

В царствование императора Николая II одновременно шли как рост урожайности зерна, так и сокращение его вывоза.

Иными словами, Россия при двух последних царях не развивалась за счёт голода, а развитием побеждала голод. К концу истории монархии о «голоде» даже в понятиях публицистики 1891 года можно было просто забыть. К сожалению, ненадолго, так как в 1921 году большевики показали русским крестьянам, что такое настоящий голод. А в 1932-м продемонстрировали, как устроен

настоящий «голодный экспорт»: в условиях обвала цен на зерно на мировом рынке, тотально конфисковав зерно колхозов ради экспортной валютной выручки, которая должна была в теории пойти на «индустриализацию», коммунистическая власть спровоцировала Голодомор с гибелью около семи миллионов человек.

Иными словами, с лёгкостью было сделано нечто, совершенно за пределами немыслимого для царского правительства. «Царизм» в своей промышленной политике благополучно обходился без людоедства, сочетая использование государственных интервенций, стимуляции рыночных сил, развитие инфраструктуры.

Император Александр III с самого начала осознал главный принцип русской индустриализации: необходима общенациональная транспортная инфраструктура.

Промышленный рывок таких стран, как Франция или Германия, был связан с быстрым введением в оборот ресурсов (прежде всего угля и руды) на достаточно ограниченной территории, которая была быстро доведена до идеальной транспортной доступности. В России колоссальные ресурсы были разбросаны на огромные расстояния, чтобы мобилизовать их на сравнимом с западными странами уровне, нужно было строить, строить и строить железные дороги.

Уникальный, геоисторического масштаба проект Транссибирской магистрали, энергично и волево предначертанный царём Александром III и доведённый до конца царём Николаем II, должен был стать стеновым хребтом всей разветвлённой сети русских железных дорог, часть из которых строилась как раз из соображений укрепления продовольственной безопасности, осторожения от голода, вовлечения отдалённых уголков в жизнь всего большого русского государства и всей мировой экономики. За 23 года царствования царя Николая II (названные клеветнической советской публицистикой «23 ступени вниз») прирост протяжённости железных дорог общего пользования был наивысшим за всю историю страны — 46 тыс. километров. Для сравнения в 1917—1940 гг. — 25 тыс. км., 1940—1963 гг. — 22,5 тыс. км.

Начала меняться в принципе вся схема экономики. Посткрепостническая Россия оказалась в значительной степени страной ненужных людей. Миллионы крестьян, чья экономическая жизнь имела смысл в качестве элементов помещичьего хозяйства, стали в 1861 году внезапно никому и ни за чем не нужными людьми (такими же ненужными людьми стали и большинство помещиков). Страна превратилась в хоспис для непонятно зачем нужных сословий, главная задача правительства состояла в том, чтобы на этом пустыре не началась резня.

Политика царей Александра III и Николая II принципиально изменила эту экономическую ситуацию. Для каждого крестьянина вновь открылся шанс на экономическую востребованность. Вместо прозябания десятков миллионов человек на уровне натурального посткрепостнического хозяйства, едва достигающего порога выживания, втягивание в предпринимательскую, фермерскую активность, связанную с общенациональным, а частично и международным рынком.

«Страхование» через общенациональную инфраструктуру от последствий неурожая. Произведённая царями Александром III и Николаем II транспортная революция привела, например, к тому, что сибирские маслоделы получили устойчивый рынок для своей продукции в Англии. Энергично поддерживаемая царём аграрная программа Столыпина призвана была выковать новую Россию собственников, которая совместила бы с Россией локомотивов (17 тыс. паровозов за 1895—1916 годы — показатель, не превзойдённый в СССР никогда), Россией автомобилей (в 1916 году было заложено несколько автомобильных заводов, в том числе и тот, который большевики присвоят себе, объявив его заводом ЗИС, а затем ЗИЛ), Россией электричества.

Весьма показательный факт, демонстрирующий подлинную цену риторике о «лампочке Ильича». Можно взглянуть на картину Алексея Боголюбова «Иллюминация Кремля на коронацию Александра III в 1883 г.», а можно задаться простым вопросом: почему все три города в Подмосковье, имеющие в названии корень «электро», возникли при царе Николае II и в связи с индустриализацией, проводившейся в его время?

Электрогорск (основан в 1912 году, до 1946-го — Электропередача) возник в 1912—1914 годах как посёлок при строившейся первой в стране электростанции, работающей на торфе, спроектированной инженером Р.Э. Классоном. Объединившись в 1915 году через Глуховскую ТЭЦ (1900), Богородскую и Измайловскую подстанции с Московской ГЭС-1 (1897-й), а в 1919 году с Орехово-Зуевской ТЭЦ (1905-й) и понизительными станциями в Павловском Посаде в энергосистему, весь комплекс со станцией стал технологическим прорывом в энергетике промышленности Московского индустриального района.

Электросталь (основан в 1916 году, до 1928 года — Затишье). Начало городу положили два завода, которые были заложены именно в 1916 году. Это были электрометаллургический завод «Электросталь» и Богородский снарядательный завод.

Электроугли. В 1899 году на территории посёлка Горки был основан завод «Московское товарищество производства электрических углей».

«Электрификация», произведённая якобы советской властью, была таким же фейком, как и проведённая ею индустриализация. И в том, и в другом случае большевики базировались на огромном индустриальном фундаменте, созданном индустриализацией, совершённой при царях Александре III и Николае II. При этом, однако, лицемерно делая вид, что её никогда не было. «Вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разорённую страну. Разорённая четырьмя годами империалистической войны, повторно разорённая тремя годами гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонущими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств — вот какую страну получили мы в

наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс Средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства», — рассуждал Сталин перед выпускниками военных академий Красной Армии 5 мая 1935 года.

В первоначальной стенограмме его выступления всё было сформулировано ещё грубее: «Мы страну из состояния голода, страну громадную с маленькими очагами промышленности, полудикую, мелкокрестьянскую, полусредневековую страну, мы эту страну вывели и поставили на новые рельсы».

Собственно, и по сей день при апологетике сталинизма главный аргумент звучит так: «Страна отстала от передовых государств, нас бы уничтожили, поэтому расстрелы были оправданы во имя индустриального рывка».

Для высокоразвитой индустриальной страны, созданной царями Александром III и Николаем II, такие методы не только не годились, но были контрпродуктивны, лишь тормозили развитие. Русская индустриализация проводилась при помощи высокотехнологичных рывков: внедрения новейших машин, наиболее совершенных технологий, как вышеупомянутая электроплавка стали. Прорыв достигался за счёт мобилизации капитала — как внутреннего, так и иностранного, прежде всего французского (и это, напомним, было не колонизацией, а, напротив, деколонизацией, освобождением от зависимости от Германии).

Большевики покончили с капиталистами, а значит, и с капиталом. Единственным способом достичь промышленного прорыва остался дешёвый принудительный или по заниженной цене труд. Снижение потребления, снижение зарплат и цены труда, снижение издержек. Так возникла знаменитая сталинская модель индустриализации, пришедшая на место царской: принудительный труд в деревне, принудительный труд в городе, принудительный труд в лагере.

Экспериментальным путём было доказано, что возможно основать индустриальную экономику на рабском труде. Правда иногда капитал всё же требовался — занять его у ограбленных в 1917 году было нельзя, его можно было достичь только за счёт экспорта, и тогда, как выше было указано, советская власть продемонстрировала, что такое настоящий голодный экспорт, уморив миллионы человек ради расплаты с американским конструкторским бюро Альберта Кана, которое проектировало большинство советских промышленных объектов.

Однако даже после ту основу, которую использовала советская индустрия, составляли предприятия александровского и николаевского времени, построенные тогда дороги, собранные локомотивы и корабли, основным оружием была царская трёхлинейка, а на страже морских баз стояли царские линкоры. Весь барабанный энтузиазм о новой жизни делался полностью на созданном «царизмом» фундаменте.

Императоры Александр III и Николай II сделали выбор в пользу промышленного переворота в России, в пользу вывода страны в индустриальные лидеры мира. Это был осознанный и трудный выбор, который требовал порвать с инерцией тогдашнего «народнического» антииндустриального консенсуса.

И этот выбор был сделан царём Александром III и поддержан и продолжен его сыном. «Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной, что страна без сильной обрабатывающей промышленности не может быть великой... Он твёрдо настаивал на введении протекционистской системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительно развитой промышленностью, и недалеко то время, когда Россия будет одной из величайших промышленных стран».

Современные авторы умеренно либерального направления, как М. А. Давыдов, автор впечатляющей монографии «Двадцать лет до великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина», признают, что промышленный рывок дореволюционной России был впечатляющим, опровергают многие застарелые мифы о российской отсталости. Но в то же время упорно хотят окрестить эту индустриализацию «по министрам». Невозможно отрицать громадный вклад С. Ю. Витте (при всей неоднозначности его фигуры) и П. А. Столыпина (безусловно, национального героя). Но всё-таки, как только царский фактор выносятся за скобки, концы перестают сходиться с концами. И Давыдов говорит о «не лишённой элементов мистики истории возвышения Витте» и о «чуде Витте», хотя этим чудом, как и чудом Столыпина, была на деле воля самодержцев, твёрдо решивших, что Россия должна быть в числе передовых индустриальных держав мира.

Большевизм фактически похитил у «царизма» его повестку, присвоив себе и индустриальные достижения, и индустриальную философию, которой якобы «полусредневековые» самодержцы не понимали и не развивали. Паразитируя до середины XX века исключительно на царских индустриальных достижениях и артефактах, сравнимых с которыми создать просто не могли, они в то же время упражнялись в инвективах по адресу «отсталого» царизма. «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», — гласило приписываемое Черчиллю популярное изречение. На деле это искажённая цитата из статьи троцкиста Исаака Дойчера: «Сталин принял Россию с деревянными плугами, а оставил оснащённой ядерными реакторами».

Как и всюду в красной пропаганде, ложь. На деле это царь Александр III принял Россию с сохой. Царь Николай II вынужденно покинул её с бомбами, которые несли врагу тяжёлые бомбардировщики Игрия Сикорского «Илья Муромец». Модель ИМ-Е-1 нес уже полторы тонны бомб. Не будь история русской монархии и индустриальное развитие России насильственно прерваны в 1917 году, бомба, несомая «летающими крепостями» Сикорского, к 1945 году точно так же стала бы атомной. Только на пути к этой цели не было бы 12 миллионов жертв Гражданской войны, 13 миллионов жертв трёх волн голода, трёх миллионов прямых жертв раскулачивания и репрессий, не говоря уже о 27 миллионах жертв войны. Вряд ли какая атомная бомбардировка принесла бы нашему отечеству столь огромные потери, которые политика последних русских царей стремилась предотвратить.

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

7

Вспоминается первая Пасха в Белграде во время немецкой оккупации. Служили Пасхальную Заутреню в Св.-Троицком храме уже днём. Никаких куличей не могли печь, не было ни муки, ни масла, ни молока, ни сахара для сырной пасхи. Маме где-то посчастливилось купить немного творога. Я ела этот творог с сахаром. И ах, как было вкусно!

Позже Маме удалось развести кур и она сама вскопала землю во дворе и посадила помидоры, огурцы, морковку, лук, стручковую фасоль, огурцы, и даже картошку. Я помогала Маме поливать, носила в ведре воду.

Подвоза свежих продуктов из сёл больше не было, немцами был запрещён ввоз в Белград каких либо продуктов. Начался голод. Продавали конину, которая была протухшая, её нельзя было вообще проглотить от страшного запаха.

Отец поступил в Русский Корпус. Изредка он получал отпуск и приходил с Баницы домой. Как-то раз во время отпуска он поехал в Банат и привёз оттуда сыр и белый хлеб, которого в Белграде не было и в помине. Продавали какой то кукурузный хлеб, маленькими продолговатыми хлебцами, как кирпич твердыми и почему-то мокрыми. Или чёрный хлеб, неизвестно из чего, и тоже мокрый и твердый.

Вскоре после возвращения в Белград из деревни, куда мы ушли из столицы после первой немецкой бомбардировки, я попросила у Мамы денег чтобы пойти в бакалейную лавку, которая находилась через дорогу от нашего дома где мы жили и хотела по привычке купить там небольшую плитку шоколада марки Nestle. Это стоило 2 динара. Лавка была открыта, но шоколада не оказалось. И мне не пришлось снова есть шоколад до 1949 года, до самого того момента пока я не увидела его уже в Америке! Это с самого 1941-го! Быть без шоколада было для меня большим лишением.

А в Белграде до войны напротив королевского дворца был небольшой английский магазин где продавали конфеты. Там были и мои любимые шоколадные слоеные конфеты, которые имели форму небольших кубиков и отец покупал мне их в небольших мешочках. После немецкой бомбардировки этого магазина там уже не было.

Были еще магазины: "Майнл", где Мама покупала кофе, "Пеликан", где отец покупал для нас пирожные и "Бата", магазин где продавали туфли и ботинки. Я получала одну пару новых туфель, когда ноги вырастали из старых, - при покупке они были минимум на два номера больше «для роста».

Это до войны, а во время войны я ходила в одних башмаках, которые зашнуровывались, и были формой как боты. В них проходила я и в Германии, и только после прихода американцев Мама, при помощи Людмилы Ивановны Барбович-Барановой в лагере ДиПи, выхлопотала мне другую пару ботинок. Когда начали появляться CARE-пакеты из Соединённых Штатов, мне посчастливилось найти себе пару туфель.

Эти CARE-пакеты приходили в

Синодальный Дом, где в Мюнхене пребывал Синод Русской Православной Церкви Заграницей во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским). И возле дома стояли в очереди русские беженцы, которых впускали по очереди. Они могли найти подходящую одежду. Там были всех размеров поддержанные платья и обувь - и мужская и женская и детская одежда. Но пока я туда попала, там уже оставалось для меня мало что подходящее. С трудом нашла для себя одну пару туфель. А было мне тогда уже 15 лет.

На Пасху 1946-го года моя старшая сестра подарила мне свой белый шёлковый костюм. А уже в 1949 году - платье, в котором я приехала в Америку.

В июле из Бремерхафена мы на американском военном корабле приплыли в Нью Йорк. Там в гавани нас встретил доктор Семён Иосифович Попов, с которым Мама была знакома ещё по Константинополю в 1920 году. Он встречал всех прибывавших в Нью Йорк русских беженцев и предлагал им сразу помочь устроиться на работу. Моя Мама ещё во время Гражданской войны была при Белой Армии сестрой милосердия и перед самой войной в Белграде еще раз окончила сестринские курсы. Доктор Попов уговаривал остаться в Нью Йорке, где он обещал сразу устроить Маму в больницу сестрой милосердия, но поблагодарив его, она наотрез отказалась там остаться.

Мы на поезде поехали на запад, в Калифорнию. На вокзале нас встретила милая дама София Михайловна Кэлл, член церковного сестричества в Лос Анджелесе при церкви Св. Преображения Господня. Она также была членом общества «Humanity Calls» возглавляемого Львом Николаевичем Кэй, который выхлопотал для нас так называемого спонсора, давшего нам работу: собирать апельсины.

София Михайловна повезла нас в церковь на своём автомобиле. В церковном доме нас встретили русские старожилы. На столе было большое и разнообразное угощение, с пирожками, лимонадом и фруктами. Уже под вечер нас посадили на автобус, который был прислан для нашей группы, чтобы отвезти на апельсиновые плантации, где мы и остались.

Выплатив долг компании, - которая обеспечила нашей семье работу в Америке, - за проезд из Нью Йорка в Лос Анджелес, мы устроились жить и работать в этом калифорнийском городе.

С тех пор мы живём здесь, нам нравятся климат, небольшие домики с садами, красивые высокие пальмы, яркое солнце, берег океана с парком и пляжем, милые и приветливые жители.

С благодарностью вспоминаем добрых русских людей, которые помогли устроить наш приезд сюда, в Соединённые Штаты Америки.

Графиня Елена Коновницына

**УПЛАТИЛИ ЛИ
ВЫ ЗА
ПОДПИСКУ НА
2021 ГОД?**

КАДЕТ

*Господину кадету шинель велика
И винтовку нести нелегко,
У него от ранения ноет рука,
А до днёвки ещё далеко.*

*Но затеял в России кровавый балет
Озолотель немецкий шпион.
Господину кадету четырнадцать лет,
И шпионов не жалует он.*

*Впереди – ничего, только тяжесть свинца,
Ужас ночи и боль поутру.
На глазах у него расстреляли отца,
Растерзали девчонку сестру.*

*Нынче неба просветы темны от ворон,
Плачь в Ростове и стоны в Москве, –
Оттого у кадета трёхцветный шеврон
На шинельном пустом рукаве.*

*И не знает кадет, что циничен и быстр,
Подогретый негласною мздой,
В новом веке замыслил
Столичный министр
Помирить его с красной звездой,*

*Чтобы стали однажды и этот и тот –
И кадет, и садист из Чека –
Виноваты за страшный Ледовый Поход,
Протянувшийся через века,*

*Чтоб обнялись они, и кадет и чекист,
И явили собой монумент...
Так замыслил однажды
Столичный министр
В некий важный, недобрый момент.*

*Мира ласковый свет кроет
Лютую суть,
Если бесы готовят улов.
И усталый кадет смотрит в
Красную мать
Из завесы расстрельных
стволов.*

*Скоро бой за станцию, где силою
всей
Ощетинилось вечное зло.
В небе милые лица погибших
друзей,
Словно свечи, сгорают светло...*

Дмитрий Кузнецов

Граф А. Коновницын

ПУСТОЦВЕТ НА ТРОНЕ

Речь идёт об австрийской императрице Елизавете, жене императора Франца Иосифа I, который своими политическими авантюрами заслужил у своего благодетеля, Императора Николая Первого, эпитет «неблагодарный» - характерное свойство австрийского императора, его визитная карточка. Портрет Франца Иосифа был повернут к стенке, и на том месте образовалась «торичеллиева пустота».

Когда в 1948 году венгерские повстанцы уже начали угрожать столице Австрии, юный Франц Иосиф спешно отправился в Варшаву для встречи с императором Николаем Первым.

Там, на торжественном приёме, изогнув низко спину, австрийский император поцеловал руку русского царя, прося помощи против венгерских революционеров.

Прибывший с ним австрийский генерал не счёл унижительным для себя опуститься на колени перед всемогущим русским полководцем светлейшим князем Ф. И. Паскевичем, тоже умоляя его о заступничестве и спасении Австрии.

Однако второго декабря 1854 года, Австрия заключила союз с Англией и Францией, благодаря чему русским пришлось держать главные силы на западной границе.

Крымская кампания угрожала принять размеры Отечественной войны 1812 года. Австрия оказалась также в числе тех, кто заставил нас пойти на мировую, принять и подписать столь унижительные для России условия Парижского мира. Причём она даже грозила войной в случае отказа подписать этот мир. Измена тех, кого Государь считал своими друзьями, глубоко возмутила русского царя.

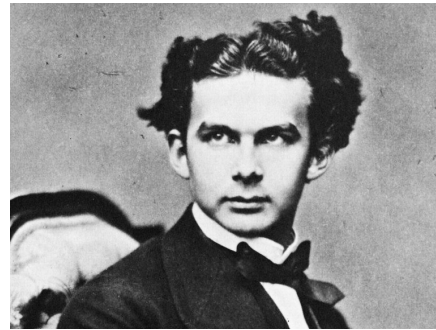
Елизавета Австрийская всю свою жизнь посвятила культуре личной красоты. Ради своей талии она занималась спортом, гимнастикой, придерживалась особой диеты: ела мало, только лишь шесть апельсинов и одно яблоко в сутки. Путешествуя на корабле, во время бури заставляла членов команды привязывать её к мачте и цитировала героев Троянской войны.

Вскользь заметим, что она перекупила у немецкого императора Вильгельма Второго виллу на Корфу, куда любила часто ез-

дить, избегая чопорный венский церемониал, с его принуждениями.

В кругу её семьи и среди близких ей людей, её просто называли Сисси. Она стала императрицей в 16 лет, а по степени родства приходилась своему мужу кузиной.

Родилась будущая императрица в 1837 году, в семье герцога Максимилиана Баварского, из рода Виттельсбах, обогатившего королевский дом несколькими представителями.

Людовик Второй Баварский тоже был её кузеном. Ему удалось построить несколько дорогих, феерических, сказочно-красивых замков, расположенных среди живописной природы. Музыка Вагнера, которому Людовик Второй покровительствовал, тоже разоряла баварскую казну, ибо композитор любил жить на широкую ногу – он себе ни в чём не отказывал.

Тем не менее благодаря туризму доходы покрыли первоначальные издержки. А музыка Вагнера, напоминающая грохот тевтонских орд, гремит в Байроите и по сей день. В ней аккорды превалируют над мелодией и наблюдается полное отсутствие лиризма, присущего Верди, Пуччини и целому ряду других итальянских композиторов.

Увертюры слушать можно, но оперы, в особенности «Кольцо Нибелунгов» - цикл состоящий из четырёх отдельных музыкальных драм, - делятся в общей сложности, с перерывами – 16 часов!

В 1876 году Пётр Ильич Чайковский был в Байроите и присутствовал на премьере «Кольца». При заключительных аккордах последней оперы, его охватило чувство облегчения, будто его выпустили из тюрьмы.

Русский композитор хотел познакомиться с Вагнером, но ему было отказан в приёме. Однако снобизм Вагнера не помешал Чайковскому отнестись к его музыке положительно – он оценил её достоинства, невзирая на продолжительность и даже кажущуюся бесконечность «Кольца Нибелунгов».

На этом грандиозном фестивале, единственном за всю историю, присутствовало два императора – германский и бразильский. После «Валькирии» (второй по счёту оперы), Кайзер Вильгельм Второй покинул представление.

Помимо Чайковского среди публики модно было увидеть несколько композиторов, ставших знаменитостями: Грига, Брукнера, Сен-Санса... и философа Ницше, впоследствии порвавшего с маэстро.

Семья герцога Баварского была многодетная – 10 отпрысков, а Сисси по счёту была 4-м ребёнком и на восемь лет младше Франца Иосифа. Юность провела в Мюн-

хене, столице Баварии, с его прославленным университетом и академией искусств.

В начале 19-го века Корнелиус (1783-1867), немецкий исторический живописец, основал Мюнхенскую Школу Живописи (1783). К нему примкнул Каульбах (1805-1874), знаменитый немецкий художник, который в своих произведениях строго придерживался исторической правды. Пилоти (1826-1886) тоже был членом этой корпорации, как целый ряд других.

В Мюнхене существовала и своя богема, с интеллигентами, актёрами, художниками, писателями и множеством неудачников, которые вели беспорядочный образ жизни. В политическом отношении это был ненадежный элемент, готовый к бунту.

Австрия была соткана из целого ряда разных национальностей и это обстоятельство являлось её Ахиллесовой пятой. Не прошло и двух недель после свадьбы, как Сисси, проснувшись от сна, ощутила, что находится в золотой клетке, ибо она не выносила дворцового церемониала и этикета. На этой почве у неё возникали столкновения с её свекровью, зорко следившей за её поведением при венском дворе.

В близких к трону австрийских кругах молодая императрица слыла за свободолобивую либералку, капризную особу и была по сути дела страшной эгоисткой с нарцисским уклоном.

Сисси часто уезжала в Венгрию, - она являлась также и королевой этой страны – где проводила время в уютной обстановке, убегая от излишеств венского церемониала.

30 января 1889 года произошло событие, потрясшее весь австрийский императорский дом. Кронпринц Рудольф (1858-1889), сын Франца Иосифа, застрелился вместе с баронессой Марией Вечера; ей было 18 лет, а ему 31 год. Трагедия состоялась в охотничьем замке Мейерлинг.

Морально ответственным лицом за разрыв со своим сыном император считал, скрепя сердце, свою жену Сисси-Елизавету, не воспитавшую кронпринца в надлежащем духе.

Лоскутная монархия или Австро-Венгерская империя состояла из ряда государств и областей, включавших Богемию, Моравию, Трансильванию и целый ряд других. Под натиском внутренних и внешних врагов, империя стала расползаться по швам. А в своём радикализме кронпринц превзошёл мать. Он даже носился с мыслью ликвидировать папство по волешии на престол. Выступал в левой прессе, а по своим политическим замашкам был отъявленным англофилом и франкофилом, то есть примыкал к потенциальным врагам России.

К концу жизни Елизавета писала стихи, а доктора предписывали ей кокаин против депрессии. На одном из плеч у неё была татуировка якоря – вещь неслыханная, неслучайная и нелепая для любой императрицы.

В 1898 году австрийская монархия гибнет от лезвия стилета итальянского анархиста.

Так закончилась жизнь "Сисси"-Елизаветы, пустоцвета на троне.